

34 / 2020

COVID-19 и ситуация в современном мире: риски и возможности для внешней политики России

Российский совет
по международным
делам

Тимофеев Иван

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Лавров С.В. — Председатель
Попечительского совета
Греф Г.О.
Дзасохов А.С.
Драчевский Л.В.
Дынкин А.А.
Комиссар М.В.
Косачев К.И.

Маргелов М.В.
Осипов Ю.С.
Приходько С.Э.
Торкунов А.В.
Фурсенко А.А.
Шохин А.Н.
Юргенс И.Ю.

ПРЕЗИДИУМ

Авен П.О.
Иванов И.С. — Президент РСМД
Кортунов А.В. — Генеральный директор РСМД
Лукьянов Ф.А.
Моргулов И.В.
Песков Д.С.

Выпускающий редактор:

Пылова О.А.

Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД) является основанной на членстве российской некоммерческой организацией. Деятельность РСМД направлена на укрепление мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение международных конфликтов и кризисное регулирование. Партнерство создано решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02.02.2010 г. № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

УЧРЕДИТЕЛИ

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Министерство образования и науки Российской Федерации

Российская академия наук

Российский союз промышленников и предпринимателей

Информационное агентство «Интерфакс»

МИССИЯ РСМД

Миссия РСМД заключается в содействии процветанию России через интеграцию в глобальный мир. РСМД — связующее звено между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач.

Мнения, выраженные в этой публикации, могут не совпадать с позицией РСМД.

Источник фото на обложке: Inquam Photos / Octav Ganea via REUTERS / Pixstream.

COVID-19 и ситуация в современном мире: риски и возможности для внешней политики России

Эпидемия COVID-19 стала катализатором сильнейшего мирового кризиса. За последние десятилетия вряд ли найдется событие, которое имело бы сходный шоковый эффект практически в любой точке земного шара и во многих областях человеческой жизни. Пандемия серьезно ударила по мировому хозяйству. Наиболее сильный удар первая волна эпидемии нанесла по локомотивам глобальной экономики – КНР, США и Европейскому союзу. Преодоление ее экономических последствий, судя по всему, займет длительное время. Тем более, что борьба с самой болезнью пока далека от завершения.

В марте 2020 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш призвал международное сообщество сплотиться в борьбе с эпидемией. На уровне международных организаций системы ООН, а также в рамках других механизмов международного сотрудничества, была проделана большая работа в области противодействия эпидемии. Однако COVID-19 едва ли привел к сколько-нибудь заметному росту международной солидарности, снижению остроты политических противоречий и конфликтов. Ни один конфликт не был приостановлен или заморожен в связи с пандемией. Вопреки призывам Генерального секретаря и других высокопоставленных представителей ООН, продолжают действовать все без исключения режимы санкций и ограничительных мер. По некоторым из них введены гуманитарные исключения, но фундаментально они не меняют картину. По ряду направлений COVID-19 привел к новым проблемам. Серьезным испытаниям подверглась Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Обострились американо-китайские отношения — Вашингтон прямо возлагает вину за распространение COVID-19 на Пекин.

Быстрое ухудшение американо-китайских отношений на фоне глобального экономического кризиса и пандемии – ключевой

тренд современных международных отношений. Противоречия между двумя державами копятся в течение длительного времени. Однако в 2020 г. переход отношений к открытому соперничеству превратился в необратимую тенденцию. Надежды на компромиссные решения не оправдались. В доктринальных документах, законах и решениях исполнительной власти США закрепляют систему сдерживания и противодействия Китаю на военно-политическом, экономическом, технологическом и идеологическом уровнях. «Стратегическое терпение» Китая также, по всей видимости, подходит к концу — Пекин начинает вводить ответные меры.

Эскалация соперничества КНР и США чревата двумя глобальными рисками. Первый — расцепка экономической взаимозависимости двух стран. С учетом их места и роли в мировой экономике, подобная расцепка может привести к серьезному шоку мирового хозяйства, которое и так находится в худшей форме в связи с COVID-19. Второй — военно-политическая конфронтация двух стран с сопутствующей гонкой вооружений и рисками открытого военного столкновения.

Воронка противостояния Пекина и Вашингтона будет втягивать в себя множество международных проблем и участников международных отношений. Реальной становится перспектива новой биполярной системы. Она будет радикально отличаться от блокового противостояния времен холодной войны, однако так или иначе ставит многих игроков перед выбором — США или Китай. Уже сейчас очевидно, что многие страны в таком жестком выборе не заинтересованы — для большинства из них предпочтительно сохранять возможность партнерства и с США, и с Китаем, не ввязываясь в затратную и бесперспективную конфронтацию на чьей-либо стороне. Сам Китай также не горит желанием вовлекаться в конфронтацию с США, но логика

АВТОР:

Тимофеев Иван Николаевич, к. полит. н., программный директор РСМД, член РСМД

развития событий может не оставить иного выбора.

В мире появляется качественно новый запрос на многополярную систему. Если раньше многополярность воспринималась многими как фигура речи, то сегодня она становится единственной альтернативой конфронтационному миру. В интересах России — не допустить формирования безальтернативной биполярной системы, сохранять пространство для дипломатического маневра, избегать вовлечения в изматывающую конфронтацию, создавать внешнеполитические условия для модернизации, технологического развития и экономического роста страны.

Пандемия COVID-19 приблизила и ускорила масштабную перезагрузку современных международных отношений. Если в прошлом о ней говорили лишь как о перспективе, то сегодня она происходит у нас на глазах. Либеральный мировой порядок переживает серьезный кризис, отмирают режимы контроля над вооружениями, сокращается пространство международного сотрудничества, растет национальный эгоизм, повышается конфликтность.

Вместе с тем трансформация международных отношений вряд ли будет происходить в режиме хаоса и войны всех против всех. Турбулентность рано или поздно сменится более устойчивой системой. России необходимо участвовать в ее формировании и быть готовой к жизни в новых условиях. Ей потребуются сочетание суверенитета и военно-политической мощи с гибкостью экономики и открытостью общества. Успех России на международной арене будет тесно связан с ее человеческим капиталом, внутренней мобильностью, инвестиционным климатом и эффективностью государственных институтов.

Либеральный мировой порядок: конец или новое начало?

Проблемы так называемого либерального мирового порядка давно обсуждаются на политическом и экспертном уровнях. Доклад Мюнхенской конференции 2020 г. прямо констатировал кризисные явления внутри «западного сообщества»¹. Обычно такой кри-

зис связывается с несколькими факторами, которые в свете эпидемии COVID-19 приобретают еще более серьезный характер.

- 1) Пределы глобализации и западно-центричной мировой экономики, накопление дисбалансов между реальными и спекулятивными секторами.
- 2) Проблемы с продвижением западных ценностей и либеральной демократии как ключевого идеологического ориентира. Отсутствие новых «волн демократизации», «откат от демократии» в целом ряде стран.
- 3) Наметившаяся разобщенность политики США и других западных государств. Недовольство национальным эгоизмом США.
- 4) Ограниченность в использовании военной силы для достижения внешнеполитических результатов. Военный потенциал США и союзников превосходит все остальные страны вместе взятые. Однако цена даже локального конфликта оказывается для них слишком высокой.
- 5) Утверждение Китая на мировой арене в качестве нового экономического, технологического и военно-политического полюса. Все более активная внешняя политика КНР, постепенно выходящая за рамки АТР.
- 6) Кризисные внутрисполитические явления и мощные социальные протесты в западных обществах, прежде всего, в США. Кризис идентичности и размывание ценностной базы.
- 7) Съезживание реальных возможностей играть роль глобального арбитра, разрастание вакуума силы в международных отношениях.

Без сомнений, сложившаяся конфигурация либерального мирового порядка нуждается в радикальных изменениях. Ближайшее десятилетие покажет, в какой степени Запад сможет адаптироваться к новым реалиям. Либеральный порядок пройдет через серьезные испытания. Однако было бы ошибкой констатировать гибель Запада и его уход с мировой арены. На то есть несколько причин. Во-первых, несмотря на очевидные дисбалансы, экономики США и Европейского союза остаются наиболее развитыми и передо-

¹ Munich Security Report 2020 // Stiftung Münchner Sicherheitskonferenz.
URL: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2020/>

выми. В руках США и стран ЕС сосредоточены ключевые технологии. Освоение новых технологий Китаем и рядом других стран не означает их исчезновения из рук Запада. Даже если западные страны в некоторых отраслях оказываются догоняющими, они все равно остаются участниками «гонки» практически во всех жизненно важных отраслях. США сохраняют лидерство в мировой финансовой системе. Необходимость перехода к более плюралистической модели мировых финансов осознается другими центрами силы, однако требует значительных издержек и усилий. Во-вторых, западные идеологические константы остаются наиболее систематизированными и целостными. Ни одна другая страна или коалиция стран пока не предложила значимой глобальной альтернативы. В качестве противовеса часто используются национальные модели, но они не носят глобальный характер. Системную альтернативу не предлагает даже Китай. Опасность для западной идеологии представляет радикальный исламизм, который захватывает широкие массы на Ближнем Востоке и за его пределами, но глобальной идеологией он тоже стать не может. Угрозой для Запада можно считать отрицание идеологии собственными гражданами, но переоценивать эти тенденции тоже нельзя. Все крупные западные страны сохраняют свое ценностное ядро. Идеологическое влияние Запада – фактор, с которым придется считаться еще долгие годы. В-третьих, разобщенность США и Европейского союза имеет свои пределы. Трансатлантические связи остаются прочными. Это касается, прежде всего, вопросов безопасности. «Российская угроза» вдохнула новую жизнь в НАТО. В ЕС на официальном уровне признают США в качестве ключевого и безальтернативного партнера. Без сомнений, параметры трансатлантического партнерства будут меняться. Открытым остается вопрос о степени вовлеченности европейских союзников США в противостояние Вашингтона и Пекина, но сама структура их отношений остается стабильной.

Кроме того, ограниченность круга решения внешнеполитических задач военными методами не отменяет наличия мощнейшего оборонного и военно-промышленного потенциала. Он позволяет сдерживать военные угрозы со стороны любых других игроков. Применение военной силы против них чревато значительными потерями, но и

они ограничены в применении силы против США и любого союзника Вашингтона. Потенциал сдерживания обесценивает способность противников Запада использовать силу для балансирования не силовых методов внешней политики, таких как экономические санкции. В долгосрочной перспективе Запад сохранит за собой возможность военного сдерживания соперников на международной арене.

Стоит также добавить, что Китай действительно превратился в экономического гиганта. Его военно-политический и технологический потенциал растет. Однако бурный рост КНР шел в западно-центричной глобальной экономике. Пока Китай не может создать аналогичную глобальную систему. Китай стал мощной опорой мировой экономики, но саму систему и правила игры пока определяет не он.

Более того, мощные социальные протесты и внутрисистемные проблемы, прежде всего в США, вряд ли фундаментально угрожают политическим системам западных демократий. Они вполне могут приводить к острым внутрисистемным кризисам, смене лидеров, правительств и партий у власти, но сами политические системы от этого пострадают мало. «Бурление» обществ и политические скандалы не должны вводить в заблуждение — политические системы в подавляющем большинстве западных стран являются устойчивыми. Размывание ценностей и кризис идентичности также могут смягчаться институтами. Подобные кризисы уже были в прошлом и неизбежны в будущем. Важно то, что они мало повлияют на стабильность политических систем.

При этом США и Запад на ряде направлений могут уступать свои позиции. Однако речь зачастую идет об избавлении от «непрофильных активов», нежели о системном отступлении.

Наконец, в сухом остатке Запад сохранит за собой статус важнейшего центра военно-политической, экономической и идеологической активности. Мировая финансовая система и глобальные производственные цепочки сохраняют значительное западное присутствие. Мощи Запада уже недостаточно для произвольного влияния на внешнюю и внутреннюю политику других крупных игроков. Однако такое влияние может иметь место ситуативно, в удобные моменты для запад-

ных стран и в критические моменты для их противников. Тогда как их влияние на Запад либо ограничено, либо чревато значительными издержками. Сценарий масштабного отступления Запада, и тем более его краха, не предопределен.

Большое значение будет иметь расклад сил внутри Запада. Важной исторической развилкой станет развитие отношений США и Европейского союза. ЕС пока сохраняет статус «экономического гиганта» и «политического карлика» на международной арене. Тем не менее внешнеполитический потенциал ЕС постепенно усиливается. Вполне успешно происходит институционализация общей внешней политики и политики безопасности. Брюссель все более активно осваивает невоенные методы влияния. Если раньше они сводились в основном к мягкой силе, экономическому влиянию и «власти стандартов», то сегодня ЕС все более активно использует методы принуждения. Ключевым здесь является использование экономических санкций. Хотя по степени их применения Брюсселю далеко до Вашингтона, Европейский союз уже можно считать вторым номером в мире по частоте применения односторонних ограничительных мер.

Евросоюзу пока далеко до создания собственных автономных вооруженных сил и силовых структур – разведки, органов безопасности и т.п. Он остается младшим партнером НАТО. Тем не менее потенциал для такого развития у Союза есть. Внутри НАТО сформировалась политическая субъектность ЕС. Постепенно создаются общеевропейские структуры реагирования на те или иные вызовы безопасности (например, в области «гибридных угроз»). Оборонная промышленность в странах ЕС способна к самостоятельному созданию практически всех современных видов вооружений. И хотя пока армии отдельных стран ЕС в значительных объемах используют технику США, при изменении политической обстановки и наличии политической воли Союз сможет обеспечить вооруженные силы государств-членов собственной техникой. Ключевой вопрос, как быстро будет процесс становления ЕС в качестве самостоятельного игрока. Тот факт, что до настоящего времени

он шел медленно, не гарантирует того, что в будущем темпы повышения самостоятельности ЕС не вырастут.

Пандемия COVID-19 стала для ЕС серьезным испытанием на прочность. Ведущую роль в борьбе с эпидемией взяли на себя национальные государства. Однако уже сейчас очевидно, что фундаментальной угрозы целостности ЕС она не несет. Евросоюз адаптировался к кризису, европейская бюрократия «пришла в себя» и ведет энергичную политику по снижению последствий кризиса.

В последние годы между США и ЕС наметились противоречия, в ЕС их во многом связывают с фигурой Д. Трампа и считают конъюнктурными. Среди таких противоречий – подходы к иранской ядерной сделке, вопрос о проекте «Северный поток-2», дискуссия об оборонных расходах, ряд торговых разногласий. Однако критический объем данных разногласий в настоящий момент недостаточен для того, чтобы серьезно подорвать союзнические отношения США и ЕС.

Ключевым вопросом представляется не столько стабильность трансатлантических связей, сколько их направленность. «Российская угроза» вдохнула в НАТО вторую жизнь. Однако для Вашингтона ключевой проблемой является не Россия, а Китай. Большой вопрос, смогут ли США добиться от своих европейских союзников полноценного участия в холодной войне против Китая. Если Великобритания после *Brexit*, по всей видимости, присоединяется к политической линии США по Китаю (например, в виде новых запретов для компании «Huawei»), то активная роль Брюсселя вызывает вопросы. В любом случае противостояние США и Китая становится осью мировой политики на ближайшие годы, если не десятилетия.

США-Китай: новая холодная война

В своем недавнем выступлении в Центре им. Никсона государственный секретарь США М. Помпео противопоставил «коммунистический Китай» и «свободный мир»². Курс на сдерживание Китая официально прописан в стратегии Государственного департамента

² Mike Pompeo China Speech Transcript July 23 at Nixon Library // Rev.com. 23.07.2020.
URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/mike-pompeo-china-speech-transcript-july-23-at-nixon-library>

по Китаю³, он пользуется полной поддержкой президента Д. Трампа. На уровне законодательной власти, а также исполнительных указов президента принят ряд ограничительных мер против китайских граждан и компаний.

Вашингтон играет роль инициатора новой холодной войны. Ключевой мотивацией на резкую смену политического курса является технологический, экономический и военный рост КНР, который воспринимается в США как долгосрочная стратегическая угроза. Подобный рост стал возможным в том числе благодаря включенности Китая в западно-центричную глобальную экономику. Соответственно, сдерживание Китая наверняка будет предполагать (а в ряде отраслей уже предполагает) маргинализацию КНР, ее отлучение от западной технологической среды и цепочек добавленной стоимости. Если раньше подобная политика производила впечатление повышения ставок для последующего достижения компромиссов, то сегодня она явно входит в режим открытой конфронтации.

В идеологическом плане США в растущей степени акцентируют опасность Китая как «коммунистической» страны. В отличие от СССР Китай не предпринимает активных усилий по интернационализации своей модели. Однако во внешнеполитической пропаганде США привычная оппозиция «либеральная демократия против коммунистического режима» воспроизводится по модели холодной войны с СССР. Китай позиционируется американцами как страна с авторитарным режимом, закрытой и неэффективной экономикой, которая ведет нечестную конкуренцию на мировой арене за счет игры по не рыночным правилам. Надежды на то, что экономическое сотрудничество с КНР приведет к его демократизации и формированию открытой рыночной экономики, по мнению США, не сбылись. Китай представляет опасность для США и их союзников как нечестный конкурент и мощная военная держава.

Наряду с идеологией сегодня можно выделить несколько направлений американского наступления на Китай.

1) Технологическая изоляция КНР в критически важных отраслях. В основном речь о

телекоммуникациях и подрыве мощи ключевых телекоммуникационных компаний Китая (прежде всего, *Huawei*). Их изоляция ведется путем торговых и экономических санкций.

- 2) Ужесточение доступа китайских компаний к инвестициям в технологические и промышленные компании США. Ужесточение режима доступа граждан КНР к научным и технологическим разработкам.
- 3) Переосмысление и обновление отношений с союзниками в регионе АТР и за его пределами на платформе противодействия Китаю. Попытки расширить антикитайскую коалицию. Признаки ремилитаризации Тайваня.
- 4) Усиление нажима на КНР с точки зрения его внутривнутриполитических проблем. Существенное наращивание критики и санкций за нарушение прав человека и этнических меньшинств. Поддержка диссидентов. Продвижение оппозиции «коммунистическое правительство против достойного китайского народа».
- 5) Модернизация вооруженных сил с общей направленностью на сдерживание КНР. Развал режима контроля над вооружениями с целью развязывания рук для гонки вооружений с КНР в области стратегических вооружений.

Эпидемия COVID-19 лишь ускорила эскалацию новой холодной войны. США открыто обвинили Китай в преднамеренном распространении эпидемии. И хотя ни один из санкционных законопроектов против КНР по тематике COVID-19 принят не был, обвинения против Китая стали ядром внешнеполитической повестки республиканцев на предстоящих выборах.

Сам Китай не торопится с ответной эскалацией, однако его позиция становится все более жесткой. Ответом на беспорядки в Гонконге стало новое законодательство, которое фактически обнуляет его автономию. КНР все более активно вводит ответные ограничительные меры против США. В области технологий американские ограничения лишь стимулировали Пекин к наращиванию своей автономии

³ United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf>

и внедрению собственных технологических платформ.

Вместе с тем политический курс США на конфронтацию с Китаем чреват рядом рисков как для самих США, так и для их союзников. Среди них потеря позиций на рынке Китая. В целом доступ к национальному рынку – серьезный внешнеполитический инструмент в руках КНР, особенно в отношениях с союзниками США; целенаправленная политика Китая по уходу из долларовой финансовой системы под угрозой растущих санкций США. Создание альтернативных финансовых каналов сделок, подрывающих глобальную роль американских банков. Реализация данного курса может занять долгое время, но сам факт подобных изменений – плохой сигнал для глобальной финансовой системы в ее современном виде; риски непреднамеренных шоков для глобальной экономики в случае резкой расцепки китайской и американской экономики; двойное сдерживание России и Китая, чреватое перенапряжением ресурсов; избыточная гонка вооружений; консолидация Китаем своих ресурсов для противодействия США, трансформация внешнеполитического курса КНР в сторону жесткого сдерживания США; разбалансированность антикитайской коалиции. Трудности мобилизации союзников в противодействии КНР; риски непреднамеренных обострений в военно-политической сфере. Для США конфронтация с Китаем осложняется нестабильной ситуацией в других регионах. Прежде всего, речь о Ближнем Востоке.

Ближний Восток: незакрытый фронт для США

Растущая конфронтация с Китаем меняет значимость Ближнего Востока во внешнеполитической повестке США. Если раньше регион представлял собой передовой фронт в связи с противодействием исламскому радикализму, то сегодня он воспринимается американцами как «непрофильный» актив. Скорее всего, Вашингтон будет стремиться к сокращению военного присутствия в регионе при одновременном сохранении своего влияния. Добиться такого баланса будет непросто.

Сокращение военной активности происходит в ситуации принципиальной нерешенности проблемы международного терроризма и

радикального исламизма. О ней меньше говорят в глобальных (западных) СМИ, но снижение внимания не означает решение вопроса. Международному сообществу действительно удалось нанести радикалам серьезный ущерб. Подорвано влияние Аль-Каиды (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ). При непосредственном военному участию России разгромлен костяк ИГ (организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ). Однако условия, которые порождают радикализм, остаются неизменными. Регион остается полем многочисленных социальных и межконфессиональных конфликтов, являющихся питательной средой для радикалов. В демографическом плане ему свойственно наличие многочисленного и пассионарного молодого населения. Его активность не могут абсорбировать ни политические институты, ни экономика. В отличие от начала 2000-х гг. международное сообщество в деле противодействия международному терроризму и радикализму в значительной степени разобщено. Более того, за отдельными радикальными группировками стоят специальные службы конкретных государств, что хорошо показал опыт гражданской войны в Сирии. Курс на демократизацию ряда оккупированных американцами государств оказался под большим вопросом. В Афганистане попытка разгрома Талибана провалилась. Устойчивость действующего правительства и его контроль над страной под большим вопросом.

Иран будет оставаться для США ключевым внешнеполитическим соперником в регионе. Вашингтон ведет дело к окончательному развалу СВГД, усиливает экономическую блокаду страны. Расчет делается, в том числе, на смену политического режима под влиянием экономического кризиса и общественного недовольства. Пока Иран сохраняет свои обязательства по СВГД. Однако в будущем его подходы могут измениться. Сохраняются риски военного столкновения Ирана с США и их союзниками в регионе. Любой сценарий эскалации вокруг Ирана (смена режима, военный конфликт, возврат к ядерной программе и др.) чреват серьезными дестабилизирующими последствиями.

Эпидемия COVID-19 и спад на мировых энергетических рынках лишь усиливают

региональные риски. Меняется протестная активность. К этноконфессиональным и политическим расколам добавляются в растущей степени расколы социально-экономические. Эпидемия не привела к снижению интенсивности конфликтов. В Ливии и Йемене они обостряются.

Очевидно, что сокращение военно-политического присутствия США в регионе будет иметь свои пределы. Вашингтон не сможет радикально высвободить силы, задействованные на Ближнем Востоке, для их концентрации в Азии. Это создает предпосылки для перенапряжения сил США (хотя и не гарантирует его). Китай пока громко не заявляет своего присутствия на Ближнем Востоке. Регион в ближайшей перспективе вряд ли станет ареной противостояния двух держав (это касается также Африки, Латинской Америки). Пекин избегает демонстрации своих политических амбиций и нанесения открытого вреда США. Ситуация может измениться в случае дальнейшей эскалации американо-китайских отношений.

Вызовы и возможности для России

В условиях кризиса мировой экономики под влиянием COVID-19 и нарастающей конфронтации КНР и США Россия сталкивается с новыми и обострением существующих вызовов. Среди них неблагоприятные изменения мировой конъюнктуры на энергетических рынках — падение цен на нефть, сокращение ресурсов для модернизации экономики и балансирования бюджета. А также уязвимость национальной экономики перед глобальными экономическими кризисами, в том числе вызванными политическими противоречиями КНР и США. Стоит также отметить сохранение отсталости российской экономики, сырьевую направленность ее экспорта, зависимость от зарубежных технологий, слабость промышленной базы, пространственные диспропорции, неоднозначный деловой климат. В этом же списке — конфронтационные отношения с Западом (прежде всего, с США); политика санкций в отношении России, политизация экономических проектов («Северный поток – 2» и др.); идеологическая и информационная война против России; «игра с нулевой суммой» на постсоветском пространстве. Нельзя не упомянуть развал системы

контроля над вооружениями, возобновление гонки вооружений. При этом сохраняются традиционные и возникают новые вызовы безопасности — террористическая угроза, международная преступность, транснациональная коррупция, угрозы цифровой среды и др. Немаловажную роль играет ослабление роли международных организаций и режимов, прежде всего, организаций системы ООН; кризис ВОЗ стал одним из индикаторов тенденции. Наконец, еще один вызов для России — узкие возможности для гуманитарного влияния и применения мягкой силы, сокращение ареала «русского мира», ограниченное идеологическое влияние России в мире.

Вместе с тем у России сохраняется ряд важных преимуществ и активов. Среди ключевых — выгодное географическое положение, позволяющее играть роль сразу в нескольких регионах (в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Россия не обязательно является ключевым игроком, однако ее присутствие значимо для региональных коалиций и влияет на баланс сил. Еще одно преимущество — компактные и современные вооруженные силы. Наличие потенциала ядерного сдерживания и его опережающее технологическое обеспечение. Военные возможности в космосе, в арктическом регионе, в мировом океане.

Стоит также упомянуть сохранение технологического и кадрового потенциала в ряде стратегических отраслей, прежде всего, в оборонной промышленности и цифровых технологий. Потенциал к освоению передовых технологий, включая искусственный интеллект. Макроэкономическая стабильность, эффективная монетарная и фискальная политика, концентрация резервов, низкий долг — еще одно важное преимущество России. Как и человеческий капитал — остановка (но не разворот) негативных социальных тенденций, среди которых — ранняя смертность, алкоголизация населения, низкая фертильность и др. В этом контексте нельзя не упомянуть добрососедские и партнерские отношения с важнейшими мировыми и региональными незападными центрами силы, отсутствие вовлеченности в ключевые противоречия между ними. А также определенные успехи в проектах региональной интеграции в области экономики и безопасности (ОДКБ, ЕАЭС). Наконец, важна диверсификация отно-

шений с Западом. Сохранение и развитие двусторонних диалогов с европейскими странами, ограниченное партнерство с ЕС.

Ситуация в современном мире создает для России ряд благоприятных условий. Во-первых, речь идет о растущей концентрации США на соперничестве с КНР. Новая ситуация принципиально отличается от структуры отношений двух-четырёхлетней давности, когда Россия находилась в центре западной конфронтационной повестки. В США Москва воспринимается как важный соперник. Однако подобный статус «разбавляется» присутствием Китая в качестве не менее важной угрозы в глазах Вашингтона. Второе важное условие — новые возможности для стратегического диалога Москвы и Пекина с учетом политики США. Третье — осторожное отношение важных центров силы (прежде всего, ЕС и Индии) к участию в конфронтации США и КНР.

В складывающихся условиях представляются целесообразными следующие внешнеполитические шаги:

1. Всестороннее обсуждение партнерства с КНР в новых условиях. Совместная оценка рисков технологической и финансовой блокады со стороны США. Разработка совместных инструментов адаптации к возможным недружественным мерам. Оценка и анализ углубления военно-политического сотрудничества, а также совместного реагирования на кризисные ситуации. Ревизия повестки ШОС в новых условиях. Российско-китайский диалог о новых модальностях организации мировой финансовой системы.
2. Укрепление посреднической роли в диалоге Индии и КНР в формате РИК. Недопущение формирования коалиций против КНР с участием Индии. Поддержка традиционного курса Индии на неприсоединение. Углубление партнерства с Индией.
3. Движение к урегулированию конфликта на Донбассе, в т.ч. в партнерстве с Германией и Францией. Формирование гибкой коалиции, направленной против «партии войны» на Украине. Маргинализация позиций «партии войны» в Минском процессе.
4. Осторожное восстановление партнерских связей с Европейским союзом. Полноценное сотрудничество без ущерба российским интересам в ближайшей перспективе невозможно. Однако Москва могла бы аккуратно содействовать повышению автономии ЕС в международных делах. Среди общих интересов России и ЕС: препятствование разворачиванию ракет средней и меньшей дальности в Европе, сохранение транспарентности военных потенциалов в европейском регионе, противодействие терроризму, энергетическая безопасность, климатическая повестка и др. Создание условий для ревизии «принципов Могерини» в сторону более широкого сотрудничества. При понимании того, что в партнерстве заинтересованы обе стороны, а также того, что партнерство ради партнерства при односторонних уступках невозможно.
5. Диалог с США по вопросам безопасности. Обсуждение параметров новой системы контроля над вооружениями и международной безопасности. При понимании того, что возвращение к полноценному диалогу будет осложняться внутривнутриполитическими факторами в США и сохраняющимися противоречиями по ключевым вопросам.
6. Постепенная либерализация визового режима с целью облегчения инвестиций в Россию, деловых связей и торгово-экономических отношений. Развитие взятого курса на цифровизацию визовой политики.
7. Разработка предложений (в партнерстве с заинтересованными странами) в реформировании организаций системы ООН с учетом уроков COVID-19. Международное сотрудничество в преодолении последствий эпидемии, в том числе под эгидой ООН и «Группы двадцати».
8. Разработка плана восстановления экономики ЕАЭС после пандемии COVID-19. Лидирующая роль в реализации принятых мер.
9. Критический анализ понятия многополярного (полицентричного) мира. Обсуждение его параметров и путей недопущения блоковой конфронтации с ключевыми партнерами на международной арене.
10. Стабилизация мировой конъюнктуры на энергетических рынках в партнерстве с заинтересованными странами-экспортерами.

РСМД

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс.: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru